

A photograph of a man with short, graying hair and a dark jacket sitting in the driver's seat of a blue and white bus. The bus is parked on a street, and the background shows a building and trees. The lighting is soft, suggesting dusk or dawn. The bus has a blue lower half and a white upper half. The man is looking directly at the camera with a serious expression. The bus door is open on the right side.

Пассажир

Хайруллин Айрат

Айрат Ахсанович Хайруллин

Пассажир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73130178

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждое утро Василий Петрович приходит на остановку – не чтобы уехать, а просто постоять. Пять лет одна и та же привычка: автобус номер 2, шесть семнадцать утра, захлопнувшиеся двери. Водитель кивает, пассажиры смотрят в окна, и жизнь идёт мимо.

Но однажды автобус опаздывает на четыре минуты – и всё ломается.

Василий Петрович впервые садится внутрь. И понимает: этот маршрут идёт не через город. Он идёт через время. Остановка «Тогда» – где на скамейке сидит он сам, десятью годами моложе. Остановка «Мать» – последний день в больничной палате, непрожитое прощание. А на конечной его ждёт тот, кем он мог бы стать – если бы не откладывал жизнь на завтра.

Что страшнее: увидеть несбывшееся будущее или понять, что ты до сих пор сидишь на той самой скамейке с книгой в руках, веря, что думать о жизни – уже значит её прожить?

Рассказ о выборе, который делается не один раз, а каждое утро. О тетради, которую страшно открыть. И об автобусе, который ходит по расписанию – пока ты жив.

Айрат Хайруллин

Пассажир

Каждое утро в шесть пятнадцать Василий Петрович выходил из дома и шёл к автобусной остановке – не садиться в автобус, а просто стоять. Привычка странная, если вдуматься, но кто в наше время вдумывается в привычки? Мы их заводим, как будильники, а потом живём по ним, не спрашивая зачем.

Вставал он в пять сорок пять, умывался холодной водой, пил чай из того самого сервиза, который мать берегла для гостей и который после её смерти стал повседневным – некого больше беречь. Выходил, запирали дверь на два оборота – старая советская привычка, хотя красть в доме было нечего.

Остановка была старая, ещё советская – с облупившейся краской на навесе и расписанием, которое никто не менял лет двадцать. Автобус номер 2, значилось там, отправляется ежедневно в 6:17, 7:45, 9:30. Про вечерние рейсы Василий Петрович не знал – он приходил только утром, к первому, и уходил, когда двери с шипением захлопывались.

– Опять не поедете? – спрашивал его водитель старенького КАВЗа Геннадий Фёдорович, мужчина кряжистый, с седой щетиной и удивительным даром говорить так, словно знает о тебе больше, чем ты сам.

– Не сегодня, – отвечал Василий Петрович, и это звучало

как обещание. Себе или ему – непонятно.

Иногда Геннадий Фёдорович добавлял что-нибудь странное. Например: «А знаете, у этого автобуса конечная всегда разная. Зависит от пассажира». Или: «Вчера вёз одну бабушку. Села в семьдесят третьем году, вышла в две тысячи пятом. Говорит – ничего не помню». Василий Петрович кивал, думая, что водители от одиночества с ума сходят, все эти дальнбойщики, таксисты, – у них свой фольклор, свои байки.

Но однажды заметил: в автобусе всегда одни и те же лица. Женщина с авоськой – каждое утро в одной и той же синей куртке. Мужчина в кепке – всегда на заднем сиденье, всегда смотрит в окно. Едут не на работу – отбывают какую-то повинность. Или срок.

Он работал библиотекарем в районной библиотеке имени Некрасова, той самой, где ещё хранились формуляры на картонных карточках и пахло клеем, которым в семидесятые переплетали собрания сочинений. Его работа состояла в том, чтобы помнить, где что лежит, и выдавать читателям книги, которые они всё равно не вернут. Иногда он думал, что библиотека – это место, где прошлое притворяется, что оно кому-то нужно.

Среди постоянных читателей была старая учительница математики Евдокия Сергеевна, которая брала только Паустовского – всегда одного и того же, «Мещёрскую сторону», перечитывала, возвращала, через неделю снова брала. Был

пенсионер Кольцов, читавший исключительно мемуары военачальников и ругавший каждого автора за неточности, которые помнил он один. Была девочка Лиза, классе в восьмом, приходившая за томами «Войны и мира» – не потому, что задали, а просто так, из упрямства, что ли.

– Зачем вам это? – спросил как-то Василий Петрович.

– А зачем вы каждое утро стоите на остановке? – ответила она вопросом на вопрос, и он понял, что в городе не бывает секретов, бывает только деликатность.

Его собственное будущее Василий Петрович откладывал, как те читатели, что брали книгу на дом и клялись вернуть через две недели. Он собирался уехать из города – собирался лет десять, с тех пор как умерла мать, и дом перестал быть домом, превратившись в склад вещей, к которым он не знал, как подступиться. Собирался написать книгу – не о чём-то важном, просто записать истории читателей, которые он знал наизусть. Собирался, наконец, научиться водить машину, раз уж все вокруг ездят, а он один ходит пешком, как юродивый.

Но всё это было на завтра. А сегодня – библиотека, формуляры, пыль на корешках полного собрания Горького, которое не интересовало никого, кроме крыс.

Однажды в среду – именно в среду, потому что среды у Василия Петровича всегда были хуже остальных дней, словно неделя ломалась пополам именно на них – автобус опоздал. Всего на четыре минуты, но этого хватило. Люди на

остановке заволновались. Кто-то достал телефон, начал звонить куда-то, жаловаться. Кто-то выругался вполголоса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.